

Г. СТРУВЕ

Ахматова и Борис Анреп

7 июня 1969 г. скончался в Лондоне на 86-м году жизни (род. 16 сентября ст. ст. 1883 г.) международно известный русский художник-мозаист Борис Васильевич Анреп. Ниже печатается написанный самим Б. В. и завещанный им мне на предмет посмертного опубликования, если я сочту это нужным, рассказ об его отношениях с А. А. Ахматовой до революции 1917 г. и об его встрече с ней в Париже в 1965 г., когда она во второй раз после революции побывала на Западе (первый раз она была в Италии в 1964 г.). Этому рассказу я хочу предпослать краткие воспоминания о моем многолетнем знакомстве с Б. В. Анрепом, а также выдержки из его писем ко мне, поскольку они имели отношение к Ахматовой, и сопроводить его рассказ пояснительным комментарием.

Моя дружба с Б. В. началась довольно поздно: мы познакомились с ним только летом 1941 г., сразу — едва ли не на другой день — после начала войны между СССР и Германией. С апреля 1941 г., со дня вторжения немцев в Югославию (где, между прочим, жили тогда мои родители и мой младший брат, призванный французами на военную службу и служивший шофером во французском посольстве), я работал в свободные от моих университетских занятий часы (большей частью на вечернем и ночном дежурстве) на радиостанции агентства Рейтер, под Лондоном, в качестве русского «слухача» (monitor). После того как Советский Союз вступил в войну, понадобилось значительное увеличение персонала, владеющего русским языком, я был сделан главным русским слухачом, и под мое начало был принят на службу ряд новых слухачей. Некоторые из них были приняты по моей рекомендации, но все подвергались предварительному испытанию. В числе принятых был и Б. В. Анреп.

Знаком я с ним не был и должен сознаться, что даже по имени знал его не как художника-мозаиста, которому уже принадлежал ряд мозаик в разных странах Европы, а как бывшего сотрудника журнала «Аполлон» и одного из организаторов (в 1912 году) выставки современного русского искусства в Лондоне, о которой я читал в том же «Аполлоне» и в газетах. Выставка эта познакомила западный мир с целым рядом талантливых русских художников. Хотя Анреп и наезжал постоянно в Лондон, где я поселился в 1932 году, из Парижа, где у него была мастерская, и хотя у нас даже оказались потом общие знакомые, вышло так, что до войны мы с ним не встречались. Анреп выехал из России еще в 1908 году, решив отказаться от заманчивой научной карьеры и посвятить себя искусству. После того, если не считать короткой побывки летом 1912 года, он вернулся на родину, только когда началась Первая мировая война, и следующие два года провел на фронте. В 1916 г. он устроил себе командировку в Лондон на службу в русском правительственном комитете, возглавлявшемся ген. А. К. Гермониусом и ведавшем снабжением русской армии, главным образом артиллерийским (в этом комитете, между прочим, служил до революции будущий советский комиссар иностранных дел Максим Литвинов). После этого Анреп возвратился в Россию на короткое время только в самом конце 1916 года и снова уехал — уже навсегда — в начале Февральской революции.

Когда кончилась деятельность комитета Гермониуса, Анреп вернулся к своей работе мозаиста, поселившись снова в Париже. Почти от всего русского он отошел, сохранив только несколько знакомств в Лондоне и связь с русским теннисным клубом в Париже. Газет русских не читал. О том, как далек он был от жизни русской эмиграции, свидетельствует тот факт, что только в 1966 году, прочтя в посланных мною ему «Воздушных путях» письма В. Д. Набокова к жене из тюремной камеры в Крестах, он узнал о трагической гибели Набокова в Берлине в 1922 году. А он хорошо помнил Набокова как одного из своих профессоров в Правоведении, где Набоков преподавал уголовное право.

Знакомство мое с Б. В. скоро перешло в дружбу. Я стал бывать у него в его студии около Hampstead Heath (той самой, о которой он рассказывает в своей «повести» о черном кольце). Познакомился с его тогдашней гражданской женой, Марией Алексеевной Волковой. О своих первых женах Б. В. никогда со мной не говорил. Его первая жена была русская, Юлия Павловна Хитрово. У Ахматовой есть (в «Белой стае») посвященное ей

стихотворение, написанное в Севастополе в декабре 1916 года: «Судьба ли так моя переменилась, / Иль вправду кончена игра?». Посвятил ей одно стихотворение и Н. В. Недоброво, в каждом письме к Анрепу неизменно передававший ей приветы. Анреп разошелся с ней, по-видимому, сразу после революции. Вторая его жена была англичанка. Звали ее Helen Maitland. Она ушла от него к его другу, Роджеру Фраю (Fry), известному английскому художественному критику.

Помню, как раз на Рождество Анреп угощал меня замечательным жареным гусем с яблоками. Готовил он всегда сам — был не только гурманом, но и прекрасным поваром: священнодействовал на кухне. Любил и умел выпить. Очень много в те дни курил: всегда приходил на службу к Рейтеру (радиостанция помещалась в лесу, в загородном доме, принадлежавшем когда-то знаменитой артистке Эллен Терри, известной своей близостью к Бернарду Шоу) с большим запасом маленьких папирос «Weights», которыми всегда угощал сослуживцев (папиросы в те дни были почти что предметом роскоши — доставать их было нелегко).

Мы стали даже довольно часто переписываться, так как на «службе» сходились не так часто (он обычно дежурил днем, я — ночью, с полуночи до семи часов утра). Мне интересны были рассказы Б. В. о разных писателях и художниках, многих из которых он знал еще до Первой мировой войны, а с другими встречался во время войны. К сожалению, я не имел времени записывать его рассказы. Особенно хорошо знал он Гумилева. Как-то он рассказал мне, как был свидетелем вызова Гумилевым на дуэль Максимилиана Волошина — столкновение между ними произошло в мастерской художника А. Я. Головина над Мариинским театром. С Гумилевым Анреп виделся чуть не каждый день, когда тот в 1917 году, после Парижа, прожил около трех месяцев в Лондоне (едва ли не Анреп устроил Гумилева на работу в шифровальный отдел Комитета ген. Гермониуса; если бы Гумилев тогда остался в Лондоне, судьба его сложилась бы совершенно иначе). Об отношениях Анрепа с поэтом и критиком Н. В. Недоброво см. выше, в рассказе об Ахматовой и Недоброво.

От Анрепа я еще до своего переезда в Америку (в 1946 г.) получил не только ценнейшие неизданные гумилевские материалы, использованные мною для тома «Неизданный Гумилев» (1952) и для позднейшего Собрания сочинений Гумилева в четырех томах, но и ряд писем Недоброво и рукописей его стихотворений.

О своих отношениях с А. А. Ахматовой Б. В. в то время мне не рассказывал — только упоминал вскользь. Но он тогда же подарил мне три книжки ее стихов в прекрасных кожаных переплетах по его заказу, с ее дарственными надписями. Надпись, сделанная ею на «Вечере», вышедшем до их знакомства, была воспроизведена в первом томе нашего издания (см. факсимиле обложки между с. 16 и 17 второго издания). Надпись на «Четках» (в четвертом издании 1916 г.) гласила: «И эти / ЧЕТКИ / Анрепу / Ахматова» (первые два слова надписаны над заглавием на шмуцтитуле). Внизу в левом углу рукой А. А. написано: «1917 г. 18 февраля / Петербург». На «Белой стае» (первое издание 1917 г.) на шмуцтитуле — просто подпись: *Анна Ахматова* (в верхнем правом углу, наискосок). На «Вечере» и на «Четках» надписи — карандашом.

Переписка моя с Анрепом продолжалась — иногда с большими перерывами — и после того, как я в 1947 г. окончательно переселился в Америку. За период с 1941 по 1944 г. у меня имеется 12 писем Б. В., потом следует большой перерыв — до 1951 года (может быть, какие-то письма еще отыщутся). Затем, за период с 1951 по 1963 г. сохранилось 32 письма, а за период с 1964 по 1969 г. — 44 письма и две телеграммы. Почти каждый раз, когда я ездил в Европу, я навещал Б. В. либо в Париже, либо в Лондоне, и мы много встречались (личное общение Б. В. всегда предпочитал письменному, хотя я не могу пожаловаться и на его эпистолярную скупость) — особенно в 1951, 1956, 1960, 1964, 1966 и 1967 гг. В последний раз мы виделись ранней осенью 1967 года, когда я возвращался через Лондон с одного научного съезда в Белграде. А на пути в Белград, куда я тоже ехал через Лондон, я прогостил два или три дня у Б. В. в одном прелестном имении, принадлежавшем его английским друзьям. Намечались встречи и в 1968 и 1969 г., но в эти годы мои поездки в Европу не состоялись.

Кажется, первое упоминание Ахматовой в письмах Б. В. ко мне было в 1952 г. В связи с моей работой над литературным наследием Н. В. Недоброво Анреп писал мне: «У Ахматовой должно быть много писем и стихотворений [Недоброво]». Позже, как я уже рассказал в статье о Недоброво, я просил одного моего коллегу, ехавшего в Россию, выяснить судьбу этих писем.

Я довольно часто снабжал Б. В. русскими книгами, которые могли интересовать его, — не только нашими с Б. А. Филипповым изданиями, но и другими. И он обычно откликался на них. Так, 13 февраля 1961 г. он писал мне по поводу первого выпус-

ка «Воздушных путей»: «Получил альманах только неделю тому назад и конечно с большим интересом прочел “Поэму без героя”. Мастерство большое! Даже акробатическое, которое, мне так кажется, тревожит призраки покойников». За этими словами, почувствовал я, что-то кроется, но большего Б. В. тогда мне не сказал. 7 августа того же года он благодарил меня за второй выпуск того же альманаха и писал:

Читаю с большим интересом и Мандельштама и Ахматову, мастерство которой исключительно. Ее портрет навел на меня уныние. Я ужаснулся разрушению, причиненному ее красоте временем. Помню ее тонкую, плоскую фигуру, худое измученное лицо, лоб, прикрытый челкой, точеный нос с характерным переломом: это было 44 года тому назад.

В июле 1962 г. Б. В. просил меня сообщить ему адрес Ахматовой (которого я не знал) и спрашивал «совета»: «Можно ли ей писать?», прибавляя, что он послал ей очень хорошее воспроизведение в красках своей мозаики Sacred Heart (Сердце Иисусово) по адресу Союза писателей в Ленинграде. В конце того же письма Б. В. писал: «А если Вы в сношениях с Анной Андреевной, передайте ей от меня сердечный и низкий поклон. Дайте ей мой адрес: парижский или лондонский». К тому времени я уже знал от Б. В. кое-что об его дружбе с А. А. во время войны и в начале революции. Прямых сношений с А. А. у меня не было и не могло быть, но как раз тогда явилась возможность просить одного моего знакомого американца побывать у нее, передать ей привет от Анрепа, а также некоторые выдержки из писем Недоброво к нему, в которых шла речь о ней (см. эти выдержки выше, в статье о Недоброво), и спросить о письмах Недоброво к ней. Мой знакомый выполнил все эти поручения осенью 1962 года. Я поделился сообщенными им сведениями с Анрепом, и тот в письме от 24 октября 1962 г. благодарил меня за передачу приветов А. А., прибавляя: «Думаю, что могу ей написать, не доставляя этим неприятности». А 14 февраля 1963 г. он писал мне, что послал А. А. репродукцию мозаики по сообщенному мною адресу, но отклика никакого не получил.

Полгода спустя Б. В. в открытке, изображавшей его мозаики в часовне Вестминстерского (католического) собора в Лондоне, благодарил меня за третий выпуск «Воздушных путей» и писал:

С удивлением нашел свое 4-стишие Ахматовой среди других стихов, написанных для нее. Текст слегка изменен. Но я был тронут. Старые забытые чувства нахлынули на мое 80-летнее сердце.

Сегодня как раз мое рождение.

Открытка была помечена 23 сентября. Об упоминаемом здесь четверостишии см. ниже, в рассказе самого Анрепа, а также в моем комментарии к нему.

Незадолго перед тем я, помнится, виделся с Анрепом в Лондоне по пути из Баварии, где я участвовал в одной конференции о советской литературе. У меня был с собой текст «Реквиема» Ахматовой, который я получил из Москвы еще в марте того года и никак не мог решиться напечатать, боясь повредить ей. Должно быть, я прочел его, под строгим секретом, Б. В. По возвращении в Калифорнию в сентябре я наконец принял решение издать «Реквием» под маркой «Товарищества зарубежных писателей» в Мюнхене (к тому времени я узнал о наличии за рубежом других, и возможно дефектных, экземпляров «Реквиема»). «Реквием» вышел в конце 1963 года, и Б. В. откликнулся на него в письме от 7 марта 1964 г. Я в это время жил под Лондоном, но с Анрепом до марта не виделся, так как у него перед тем был первый сердечный приступ. В своем письме он писал мне о приступе, о «зверской боли в груди», которая прошла, но после которой осталась большая слабость, и приглашал меня с женой позавтракать или пообедать до его намечавшегося отъезда на континент. О «Реквиеме» он в этом письме писал, что это лучшее произведение Ахматовой — «ее памятник нерукотворный», и благодарил меня за напечатание его.

В постскриптуме к тому же письму была еще фраза, немного загадочная для меня и сейчас, которая не могла относиться к «Реквиему»: «Описание наружности Недоброво очень верное. Кое-что в его характере я могу объяснить». Эта фраза могла относиться к «Поэме без героя», где, по мнению Б. В., Ахматова в сцене «маскарада» вывела Н. В. Недоброво (см. подробнее об этом ниже). Но, кажется, к тому времени разговора об этом у нас не было. Может быть, эта фраза относилась к каким-то воспоминаниям о Недоброво, которыми я поделился с Б. В., — например, описанию его наружности в статье Ю. Л. Сазоновой.

В январе и феврале 1965 г. Б. В. благодарил меня за сообщенные ему мною сведения об А. А. и за передачу ей еще раз приветов через одного моего лондонского знакомого, а в февральском письме кроме того писал: «Об А. А. и Модильяни у меня есть “бестактная история”, но если Вас еще увижу, то расскажу». Мы увиделись снова лишь в 1967 г., но спросить его о «бестактной истории» я забыл, а он мне ее не рассказал. Но он вернулся к ней (может быть, в ответ на мой запрос) в письме от 23 октября 1968 г. Я нашел историю не столько «бестактной»,

сколько неправдоподобной и нелепой, и пересказывать ее не считаю нужным.

В марте 1965 г. Б. В. благодарил меня за четвертый выпуск «Воздушных путей», называя его «одним из самых интересных», и писал, что воспоминания Ахматовой (о Модильяни и о Мандельштаме) произвели на него большое впечатление. А два месяца спустя сообщал мне о слухах о том, что Ахматова должна приехать в Англию в сентябре, и вместе с тем писал, что он должен 27 мая ехать в Париж — ликвидировать свою мастерскую: после своего сердечного припадка он довольно долго болел, а зимой перенес две тяжелые операции, и ему пришлось принять решение прекратить свою работу мозаиста, требовавшую и больших физических усилий (ему было уже за 75 лет, когда он писал мне, что все еще таскает пудовые мешки с камнем для мозаики), и разъездов, и работы высоко под крышами зданий. Очевидно, отвечая на это письмо, я написал Б. В., что Ахматова ожидается в Англии не в сентябре, а еще в июне, потому что в следующем письме (от 27 мая) он писал мне: «Благодарю за письмо и за сведения об А. А. К большому сожалению, не могу ими воспользоваться, так как сегодня уезжаю в Париж на месяц». Я писал Б. В., что собираюсь сам в Англию — в надежде повидать А. А., и он заканчивал письмо так:

Если увидите А. А., передайте ей мои сердечные пожелания здоровья и прекрасных стихов. Среди тысяч ее поклонников остаюсь одним из самых скромных, но искренне почитающих ее гений.

Мне удалось слетать в Англию, я присутствовал на торжественной докторской церемонии в Оксфорде и на приеме в честь А. А. в тот же вечер, на котором Д. Д. Оболенский и сэр Исайя Берлин познакомили меня с ней. Хотя А. А. была знакома с моим отцом и бывала изредка на собраниях сотрудников «Русской мысли» в редакции журнала под нашей квартирой на Нью-стадской улице (позднее переименованной в Лесной проспект) на Выборгской стороне, я ее тогда не видал, а видал только раз — на вечере поэтов в Петербургской городской думе в январе 1915 года, на котором она читала стихи. После Оксфорда я был дважды (второй раз по ее желанию) принят А. А. в Лондоне в гостинице «The President» (неподалеку от Британского музея и от хорошо мне знакомого Лондонского университета). При этом я исполнил просьбу Б. В., передал его привет и сказал, что он должен был уехать в Париж. Если память мне не изменяет, его отъезд в Париж немного задержался, и я еще успел по прилете в Лондон переговорить с ним по телефону. Именно

от меня А. А. узнала, что Б. В. будет в Париже (сама она тогда еще не знала, разрешат ли ей поехать туда: заезд в Париж в программу не входил).

Из Англии я очень скоро вернулся в Калифорнию и очень долго после того ничего от Анрепа не получал, так что начал даже беспокоиться об его здоровье. Не могу теперь припомнить, но почти уверен, что я ему о своих встречах с А. А. и впечатлениях от них написал. Прошло несколько месяцев, прежде чем я наконец получил от Б. В. письмо, датированное 7 декабря 1965 г. Оно начиналось так:

Не обижайтесь за мое молчание. В Париже я видел А. А. А. и по возвращении в Лондон стал писать Вам длинное письмо, но заболел опять — сначала повторными сердечными припадками, а потом воспалением легких. Так ослабел и оглупел, что совершенно не мог взяться за перо...

Через два дня после того Б. В. дописал начатое им длинное письмо и послал мне. В нем он описывал свое посещение А. А. в Париже. Инициатива визита исходила от нее. Так как он потом включил этот рассказ в несколько измененном виде в печатаемую ниже «повесть о черном кольце», то я не буду здесь цитировать это письмо. Приведу из него только несколько строк, прямого отношения к Ахматовой не имеющих, но существенных для дальнейшего рассказа о самом Анрепе:

Ликвидация моей мастерской в Парнасе была весьма печальным событием в моей жизни. Мебель и вещи роздал соседям, а мозаичные матерьялы и все оборудование мастерской отдал больнице, которая лечит частично парализованных. Теперь я в Лондоне «for good» [навсегда], на положении инвалида. Свою незаконченную работу над мозаиками в Вестминстерском соборе в Лондоне Анреп передал своему помощнику и приятелю, англичанину.

В следующем письме (11 декабря) Б. В. просил меня оставить строго между нами все, что он написал о встрече с А. А. 2 января 1966 г. он благодарил меня за первый том нашего издания Ахматовой и писал: «Книга издана прекрасно. Лестно было видеть в книге копию с обложки стихов с двустушием мне. Не знаю, понравится ли это А. А.» (Речь шла о надписи на сборнике «Вечер».) Он благодарил меня также за длинное письмо и обещал объяснить «некоторые вещи» при свидании. Думаю, что здесь имелись в виду некоторые места в «Поэме без героя», о которых я его спрашивал.

После смерти А. А., Б. В. прислал мне несколько вырезок — откликов лондонской печати на ее смерть — и приложил к ним

записочку с одним словом: «Грустно», подписью «Б. А.» и датой «7.М.66». В письме от 19 марта он писал, что узнал о смерти А. А. сразу же, так как лондонское телевидение сообщило о ней в тот же день. В конце письма он приписывал: «Соберусь с силами — напишу, что я Вам рассказывал про ее кольцо. Так как это кольцо она упоминает в своих стихах, это может быть интересно для будущности».

Я не припоминаю теперь, когда именно рассказывал мне Б. В. историю «черного кольца» — должно быть, это было в 1964 году. Но рассказал он тогда не все. Обещанный письменный рассказ я получил не сразу после только что цитированного письма. 14 июля того же года Б. В. благодарил меня за посланные ему мною сообщения из России об отпевании и погребении А. А. и прибавлял:

Как грустно все это. Мир ее праху, слава ее памяти. На моей совести камнем лежит «одно воспоминание», и для собственного облегчения я написал его для Вас — не для печати. Если хотите, я пришлю его Вам. Это об ее «черном кольце».

Я, конечно, написал, что прошу прислать, и к следующему письму Б. В. приложил свой рассказ. Привожу почти полный текст письма (я тогда только что вернулся из штата Колорадо, где преподавал летом, и Б. В. начинал письмо с упоминания об этом):

Благодарю Вас за карточку, посланную Вами из Колорадо. Вы, наверное, отдохнули там, несмотря на лекции. Местность, очевидно, очень красивая и романтическая.

Посылаю Вам мои воспоминания «О черном кольце». Я старался написать эти воспоминания новым правописанием, а теперь пишу по-старому и сбиваюсь. В старом правописании все ясно, в новом смысл часто сбивается: все — всѣ или всё, мир или мір, и другие случаи.

Мои воспоминания «О черном кольце» не подлежат напечатанию во время моей жизни. После, если Вы будете думать, что их стоит напечатать, предоставляю Вам это решить и сделать. Все, что написано, так и было. Много пропущено и забыто. И ничего не преувеличено; может быть, сумбурно, но и это соответствовало моим чувствам.

Здесь почти наступил момент дать слово самому Б. В. Анрепу — его рассказу о черном кольце, то есть о том «черном перстне», о котором Ахматова написала стихотворный «триптих», озаглавленный «Сказка о черном кольце». Первые две его части были напечатаны во втором издании сборника «Anno Domini» под заглавием «Два отрывка из сказки “О черном кольце”», а третья добавлена в публикации в «Литературном современни-

ке» в 1940 г., причем тут под стихами были поставлены даты: 1917—1936. Надо поэтому полагать, что третья часть была написана в 1936 г. Первая часть стихотворения читалась так:

Мне от бабушки татарки
 Были редкостью подарки;
 И зачем я крещена,
 Горько гневалась она.
 А пред смертью подобрела
 И впервые пожалела
 И вздохнула: «Ах, года!
 Вот и внучка молода».
 И простивши нрав мой вздорный,
 Завещала перстень черный.
 Так сказала: «Он по ней,
 С ним ей будет веселей».

Эти строки могут служить как бы эпитафией к следующей далее «повести» Б. В. Анрепа.

Рассказ Анрепа написан им от руки на больших листах ленованной бумаги и занимает восемнадцать страниц. Насколько я понял, копии его он себе не оставил, но у него мог остаться черновик, и с него потом могли быть сняты копии. После 1967 года Б. В. переписывался об Ахматовой с В. А. Знаменской и с воронежским «ахматоведом» А. С. Крюковым. Знаменской он писал о своей встрече с Ахматовой в Париже, но о «черном кольце» как будто не рассказывал. Не думаю, чтобы он писал об этом эпизоде и А. С. Крюкову, письма которого потом тоже передал мне.

Борис АНРЕП

О черном кольце

Бабушка завещала Анне Андреевне «перстень черный». «Так сказала: “Он по ней, / С ним ей будет веселей”». В Англии такие кольца в свое время назывались «траурными». Кольцо было золотое, равной ширины, снаружи было покрыто черной эмалью, но ободки оставались золотыми. В центре черной эмали был маленький бриллиант. А. А. всегда носила это кольцо и приписывала ему таинственную силу.

Н. В. Недоброво познакомил меня с А. А. в 1914 году по моем приезде из Парижа, перед моим отъездом на фронт. Н. В. восхищенно писал мне про нее еще раньше, и при встрече с ней я был очарован: волнующая личность, тонкие, острые замечания, а главное — прекрасные, мучительно-трогательные стихи. Недоброво ставил ее выше всех остальных поэтов того времени.

В 1915 году я виделся с А. А. во время моих отпусков или командировок с фронта. Я дал ей рукопись своей поэмы «Физа» на сохранение; она ее зашила в шелковый мешочек и сказала, что будет беречь как святыню:

Не хулил меня, не славил,
Как друзья и как враги,
Только душу мне оставил
И сказал: побереги.

И одно меня тревожит:
Если он теперь умрет,
Ведь ко мне Архангел Божий
За душой его придет.

Как тогда ее я спрячу,
Как от Бога утаю?
Та, что так поет и плачет,
Быть должна в Его раю.

1915

Мы катались на санях; обедали в ресторанах; и все время я просил ее читать мне ее стихи; она улыбалась и напевала их тихим голосом. Часто мы молчали и слушали всякие звуки вокруг нас. Во время одного из наших свиданий в 1915 году я говорил о своем неверии и о тщете религиозной мечты. А. А. строго меня отчитывала, указывала на путь веры как на залог счастья. «Без веры нельзя».

Позднее она написала стихотворение (кстати, А. А. терпеть не могла слово «стихотворение»), имеющее отношение к нашему разговору:

Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-туманный:
Где видел я персидскую сирень
И ласточек, и домик деревянный?

О как ты часто будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане!

При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».

4 апреля 1915

Так это и было. Но от нее я не получил ни одного письма, и я не написал ни одного, и она не «пришла на помощь моему неверью», и я не звал.

В начале 1916 года я был командирован в Англию и приехал с фронта на более продолжительное время в Петроград для приготовления моего отъезда в Лондон. Недоброво с женой жили тогда в Царском Селе, там же жила А. А. Николай Владимирович просил меня приехать к ним 13 февраля слушать только что законченную им трагедию «Юдифь»*. «Анна Андреевна тоже будет», — добавил он. Вернуться с фронта и попасть в изысканную атмосферу царскосельского дома Недоброво, слушать «Юдифь», над которой он долго работал, увидеться опять с А. А. было очень привлекательно. Н. В. приветствовал меня, как всегда, радушно. Я обнял его и облобызал и тут же почувствовал, что это ему неприятно: он не любил излишней чувств, его точеная, изящная фигура съежилась — я смутился, Любовь Александровна (его жена) спасла положение, поцеловала меня в щеку и сказала, что пойдет готовить чай, пока мы будем слушать «Юдифь». А. А. сидела на диванчике, облокотившись, и наблюдала с улыбкой нашу встречу. Я подошел к ней, и тайное волнение объяло меня, непонятное болезненное ощущение. Я их испытывал всегда при встрече с ней, даже при мысли о ней, и даже теперь, после ее смерти, я переживаю мучительно эти воспоминания. Я сел рядом с ней.

Н. В. открывал рукопись «Юдифи», сидя за красивым письменным столом чистого итальянского ренессанса, с кручеными фигурными ножками: злые языки говорили, что Н. В. женился на Л. А. из-за ее мебели. Правда, Н. В. страстно любил все изящное, красивое, стильное, технически совершенное. Он стал читать: Н. В. никогда не пел своих стихов, как большинство современных поэтов; он читал их, выявлял ритм, эффектно модулируя, ускоряя и замедляя меру стихов, подчеркивая тем самым смысл и его драматическое значение. Трагедия развивалась медленно. Несмотря на безукоризненное стихосложение и его прекрасное чтение, я слушал, но не слышал. Иногда я взглядывал на профиль А. А., она смотрела куда-то вдаль. Я старался сосредоточиться. Стихотворные мерные звуки наполняли мои уши, как стуки колес поезда. Я закрыл глаза. От-

---

* «Юдифь», трагедия в стихах в пяти действиях с прологом, была напечатана только после революции, в «Русской мысли» (Прага; Берлин, 1923. Кн. VI—VIII). — *Примеч. Г. Струве.*

кинул руку на сидение дивана. Внезапно что-то упало в мою руку: это было черное кольцо*. «Возьмите, — прошептала А. А. — Вам». Я хотел что-то сказать. Сердце билось. Я взглянул вопросительно на ее лицо. Она молча смотрела вдаль. Я зажал руку в кулак. Недоброво продолжал читать. Наконец кончил. Что сказать? «Великолепно». А. А. молчала, наконец промолвила с расстановкой: «Да, очень хорошо». Н. В. хотел знать больше. «Первое впечатление замечательной силы». Надо вчитаться, блестящее стихосложение. Я хвалил в страхе обнаружить, что половины я не слышал. Подали чай. А. А. говорила с Л. А. Я торопился уйти. А. А. осталась.

Через несколько дней я должен был уезжать в Англию. За день до моего отъезда получил от А. А. ее книгу стихов «Вечер» с надписью:

---

* Во второй части триптиха («Сказка о черном кольце») говорится о потере кольца, о том, как друзья владелицы искали его везде (Возле моря на песке / И меж сосен на лужке), и как «Тот, кто был других смелее», уговаривал ее «Подождать до склона дня», а она «...совету удивилась / И на друга рассердилась, / Что глаза его нежны». И стихотворение кончается так:

«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похваляться
Да цветы сюда носить».
Всем велела уходить.

В третьем стихотворении владелица кольца возвращается к себе в светлицу, валится на кровать и «в сотый раз» припоминает:

Как за ужином сидела,
В очи темные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный,
Как взглянул в мое лицо,
Встал и вышел на крыльцо.

За этим следует строка точек и заключительное четверостишие:

Не придут ко мне с находкой!
Далеко над быстрой лодкой
Забелели паруса,
Заалели небеса.

Анреп не нашел нужным цитировать эти строки, но, хотя они в деталях и не соответствуют жизненному эпизоду, они представляют интерес как его творческое воссоздание или преобразование. — *Примеч. Г. Струве.*

Борису Анрепу —
 Одной надеждой меньше стало
 Одною песней больше будет.

Анна Ахматова
 1916. Царское Село
 13 февраля

Тринадцатого февраля!!

Несколько времени перед этим я подарил А. А. деревянный престольный крест, который я подобрал в полуразрушенной заброшенной церкви в Карпатских горах Галиции. Вместе с крестом я написал ей четверостишие:

Я позабыл слова и не сказал заклатья,
 По деве немощной я, глупый, руки стлал,
 Чтоб уберечь ее от чар и мук распятья.
 Которое ей сам, в знак дружбы, дал.

Это четверостишие появилось в третьем томе «Воздушных Путей» (Нью-Йорк, 1963) среди разных стихов, посвященных А. А. Мое четверостишие появилось в измененном виде:

Я позабыл слова, я не сказал заклатья,
 По немощной я только руки стлал,
 Чтоб уберечь ее от мук и чар распятья,
 Которые я ей в знак нашей встречи дал.

1916

Для меня нет сомнения, что эти изменения сделаны были самой А. А. Причины этих изменений мне не совсем ясны. Хотела ли А. А. улучшить литературное качество четверостишия? Так ли? Только ли? Самые значительные изменения: «которое» на «которые» и «дружбы» на «встречи» — вносят личную, интимную, мучительную ноту*. Наша «встреча» нашла отзвук в нескольких стихах А. А.:

Словно ангел, возмутивший воду,
 Ты взглянул тогда в мое лицо,

---

* Прав или не прав Б. В. Анреп, приписывая самой А. А. изменения в его тексте (мне представляется, что здесь возможно искажение при переписке и передаче через несколько рук), он не отметил двух, на мой взгляд, существенных различий: во второй строке вместо «По деве немощной я, глупый, руки стлал» читается: «По немощной я только руки стлал», а в третьей строке слова «чар и мук» переставлены: «мук и чар». В одной строке в результате изменений нарушен шестистопный размер. — *Примеч. Г. Струве.*

Возвратил и силу, и свободу,
 И на память чуда взял кольцо.
 Мой румянец жаркий и недужный
 Стерла богомольная печаль.
 Памятным мне будет месяц вьюжный.
 Северный встревоженный февраль.

*Февраль 1916
 Царское Село*

Я уехал в Лондон, откуда должен был вернуться недель через шесть. Но судьба сложилась иначе.

Небо мелкий дождик сеет
 На зацветшую сирень.
 За окном крылами веет
 Белый, белый Духов День.

Нынче другу возвратиться
 Из-за моря — крайний срок.
 Все мне дальний берег снится,
 Камни, башни и песок.

На одну из этих башен
 Я взойду, встречая свет...
 Да в стране болот и пашен
 И в помине башен нет.

Только сяду на пороге,
 Там еще густая тень.
 Помоги моей тревоге.
 Белый, белый Духов День!

1916, весна. Слепнево

Я никогда не писал. Она тоже отвечала полным молчанием.

И без песен печаль улеглась.
 Наступило прохладное лето,
 Эта встреча никем не воспета,
 Словно новая жизнь началась.

Сводом каменным кажется небо,
 Узвленное желтым огнем,
 И нужнее насущного хлеба
 Мне единое слово о нем.

Ты, росой окропляющий травы,
 Вестью душу мою оживи, —
 Не для страсти, не для забавы,
 Для великой земной любви.

1916. Слепнево

Престольный крест, подаренный мною А. А., оставил след в ее стихах:

Когда в мрачайшей из столиц
 Рукою твердой, но усталой,
 На чистой белизне страниц
 Я отречение писала,

И ветер в круглое окно
 Вливался влажною струею, —
 Казалось, небо сожжено
 Червонно-дымною зарею.

Я не взглянула на Неву,
 На озаренные граниты,
 И мне казалось — наяву
 Тебя увижу, незабытый.

Но неожиданная ночь
 Покрыла город предосенний.
 Чтоб бегству моему помочь,
 Расплылись пепельные тени.

Я только крест с собой взяла,
 Тобою данный в день измены,
 Чтоб степь полынная цвела,
 А ветры пели, как сирены.

И вот, он на пустой стене
 Хранит меня от горьких бредней,
 И ничего не страшно мне
 Припомнить, — даже день последний.

1916, август. Песочная Бухта

Меня оставили в Англии, и я вернулся в Россию только в конце 1916 года, и то на короткое время. Январь 1917 года я провел в Петрограде и уехал в Лондон с первым поездом после революции Керенского. В ответ на то, что я говорил, что не знаю, когда вернусь в Россию, что я люблю покойную английскую цивилизацию разума (так я думал тогда), а не религиозный и политический бред, А. А. написала:

Высокомерьем дух твой помрачен,
 И оттого ты не познаешь света.
 Ты говоришь, что вера наша — сон,
 И марево — столица эта.

Ты говоришь — моя страна грешна,
 А я скажу — твоя страна безбожна.
 Пускай на нас еще лежит вина, —
 Все искупить и все исправить можно.

Вокруг тебя — и воды, и цветы.
 Зачем же к нищей грешнице стучишься?
 Я знаю, чем так тужко болен ты:
 Ты смерти ищешь и конца боишься.

1 января 1917

И позже в том же году:

Ты — отступник: за остров зеленый
 Отдал, отдал родную страну,
 Наши песни и наши иконы
 И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец,
 Коль еще не лишился ума,
 Загляделся на рыжих красавиц
 И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй и чванься,
 Православную душу губи,
 В королевской столице останься
 И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь
 Под высоким окошком моим?
 Знаешь сам, ты и в море не тонешь
 И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы
 Тем, кто сам потерял благодать.
 Оттого-то во время молитвы
 Попросил ты тебя поминать.

1917. Слепнево *

Революция Керенского. Улицы Петрограда полны народа.
 Кое-где слышны редкие выстрелы. Железнодорожное сообще-

* Поскольку «остров зеленый» явно означал Англию, это стихотворение многими воспринималось как обращение к Гумилеву. В 1917 году, когда стихотворение было написано, Гумилев в самом деле провёл некоторое время в Лондоне, но только по пути в Париж (дольше он прожил в Лондоне уже в 1918 году). Не очень похожи были на обращение к Гумилеву заключительные строки. И совсем уже странным, в применении к нему казалось обращение «лихой ярославец». Рассказ Анрепа ставит все на место в этом стихотворении, и только «лихой ярославец» нуждается в дополнительном объяснении. У семьи Анрепа было небольшое (материнское?) имение около города Романова-Борисоглебска Ярославской губернии (одно из самых красивых местоположений на Волге — помню его с детства). Отсюда, по-видимому, и имена Анрепа и его брата: Борис и Глеб. Если память мне не изменяет, я обратил внимание Б. В. на то, что это стихотворение обращено к нему. — *Примеч. Г. Струве.*

ние остановлено. Я мало думаю про революцию. Одна мысль, одно желание: увидеться с А. А. Она в это время жила в квартире проф. Срезневского*, известного психиатра, с женой которого она была очень дружна. Квартира была за Невой, на Выборгской или на Петербургской стороне, не помню. Я перешел Неву по льду, чтобы избежать баррикад около мостов. Помню, посреди реки мальчишка лет восемнадцати, бежавший из тюрьмы, в панике просил меня указать дорогу к Варшавскому вокзалу. Добрел до дома Срезневского, звоню, дверь открывает А. А. «Как, вы? В такой день? Офицеров хватают на улицах». — «Я снял погоны».

Видимо, она была тронута, что я пришел. Мы прошли в ее комнату. Она прилегла на кушетку. Мы некоторое время говорили о значении происходящей революций. Она волновалась и говорила, что надо ждать больших перемен в жизни. «Будет то же самое, что было во Франции во время Великой революции, будет, может быть, хуже». — «Ну, перестанем говорить об этом». Мы замолчали. Она опустила голову. «Мы больше не увидимся. Вы уедете». — «Я буду приезжать. Посмотрите: ваше кольцо». Я расстегнул тужурку и показал ее черное кольцо на цепочке вокруг моей шеи. А. А. тронула кольцо. «Это хорошо, оно вас спасет». Я прижал ее руку к груди. «Носите всегда». — «Да, всегда. Это святыня», — прошептал я. Что-то бесконечно женственное затуманило ее глаза, она протянула ко мне руки. Я горел в бесплотном восторге, поцеловал эти руки и встал. А. А. ласково улыбнулась. «Так лучше», — сказала она.

СКАЗКА О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ (1917—1936)

Сразу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.
Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих,

* В первоначальном тексте Анрепа вместо фамилии Срезневского стояла фамилия Бехтерева, знаменитого психиатра. На то, что это, вероятно, ошибка, указал ему я, и он сказал, что он мог спутать, что квартира могла быть квартирой д-ра Срезневского, работавшего в клинике Бехтерева на Выборгской стороне. Валерий Сергеевич Срезневской, своей подруге (и жене доктора?), Ахматова посвятила два стихотворения: одно в 1913 г. («Вместо мудрости опытность...»), а другое в 1964 г. — уже ее памяти («Почти не может быть, ведь ты была всегда...»). У Срезневских Ахматова, кажется, жила, когда она разошлась с Гумилевым. — *Примеч. Г. Струве.*

Где веселье, где забота,
 Где ты, ласковый жених?
 Не нашелся тайный перстень,
 Прождала я много дней,
 Нежной пленницею песня
 Умерла в груди моей.

1917, июль *

С первым поездом я уехал в Англию. Я долго носил кольцо на цепочке вокруг шеи.

Война кончилась. Большевики. Голод в России. Я послал две съестные посылки А. А., и единственное известие, которое я получил о ней, была ее официальная карточка с извещением о получении посылки:

Дорогой Борис Васильевич, спасибо, что меня кормите.

Анна Ахматова

Хотел писать, но меня предупредили, что это может ей повредить, и я оставил эту мысль. Я остался в Лондоне и мало-помалу вернулся к своей работе по мозаике. Как-то раз, раздеваясь, я задел цепочку на шее, она оборвалась, и кольцо покатилося по полу. Я его уложил в ящичек из красного дерева, обитый бархатом внутри, в котором сохранялись дорогие для меня сокровища: военные ордена; золотой портсигар, подаренный мне командиром английского броневого отряда в России Локер-Ламсоном; записки самоубийцы, которого я похоронил; и другие вещицы. Я собирался отдать исправить цепочку, но не сделал этого. Гумилев, который находился в это время в Лондоне и с которым я виделся почти каждый день, рвался вернуться в Россию. Я уговаривал его не ехать, но все напрасно. Родина тянула его. Во мне этого чувства не было: я уехал из России в 1908 году и устроил свою жизнь за границей. Перед его отъездом я просил его передать А. А. большую, прекрасно сохранившуюся монету Александра Македонского и также шелковый матерьял на платье. Он нехотя взял, говоря: «Ну что вы, Борис Васильевич, она все-таки моя жена». Я разинул рот от удивления: «Не глумитесь, Николай Степанович», — сказал я сухо. Но я не знаю, получила ли она мой подарок. Погиб бедный Гумилев! Погиб большой поэт!

* Я не знаю, почему Б. В. озаглавил это стихотворение «Сказка о черном кольце», но как-то не спросил его об этом. Стихотворение это никогда в «триптих» не входило. Напечатано он было в «Белой стае». Конечно, в нем есть упоминание о тайном перстне, и оно, несомненно, связано с триптихом. Дата под этим стихотворением — «1917, июль». — *Примеч. Г. Струве.*

Другой поэт и близкий друг, Н. В. Недоброво, заболел туберкулезом почек и его увезли на юг, где он вскоре и умер. Он был большой друг А. А. Помню, я тяжело перенес известие об его смерти. Перед этим я ему написал дикое письмо, из которого помню глупую, но искреннюю фразу:

«Дорогой Николай Владимирович, не умирай, ты и Анна Андреевна для меня вся Россия!»

Шли годы. В глубине души заживающая рана: как часто я отпирал свой ящичек с драгоценностями и нежно прикладывался к черному кольцу. Носить его я больше не хотел, это казалось мне или святотатством, или комедией. Жизнь сосредоточилась на художественной работе, на мозаике. Но в сердце прошлое смутно жило, и кольцо мысленно было со мной «всегда».

Опять война. Она застала меня в Париже, но я бежал от немцев в тот день, когда они входили в Париж, добрался до Лондона через две недели кружным путем. Немецкие бомбы упали совсем близко от моей студии и разрушили ее. Я потерял сознание, но отошел и выбрался*. Это случилось ночью. Наутро вернулся, чтобы спасти что осталось. Не могу найти драгоценного ящичка. Боже! как я рад — вот он! Но что же это? Он взломан и пуст. Злоба к ворам. Стыд. Не уберег святыни, слезы отчаянья наполнили глаза. Почему я не дал кольцо на сбережение в банк? Потому что я хотел иметь его при себе, как пленника, которого я мог видеть, когда хотел. Но я уехал в Париж и не беспокоился о нем. Нет, вина моя, нечего и говорить! Что я скажу, если А. А. спросит?..

В 1945 году и эта война кончилась. Я послал А. А. фотографию в красках моей мозаики Христа: «Cor sacrum». Его грудь вскрыта, и видно Его пламенное Сердце. Я не знал ее адреса и послал в Союз писателей в Ленинграде, с просьбой переслать конверт по ее адресу. На фотографии я написал: «На добрую память». Ответа не было, и я не знал, получила ли она пакет.

Жизнь текла. Я работал в Лондоне, я работал в Париже, я работал в Ирландии. Мозаика требовала много напряжения и тяжелого труда. Благодаря дружескому содействию Г. П. Стру-

---

* В первоначальной версии этого рассказа (в письме мне) Б. В. писал: «Когда во время последней войны немецкая бомба на парашюте разорвалась ночью вблизи моей студии в Hampstead'e, я в постели был контужен и язык мой отказался служить, несмотря на все мои усилия крикнуть, сказать, прошептать». Это было в 1944 году, когда Б. В. перестал уже работать у Рейтера и мы с ним общались гораздо реже. — *Примеч. Г. Струве.*

ве, я читал почти все, что А. А. печатала и что печаталось за границей. И эти стихи волновали меня так же сильно, как раньше, — может быть, сильнее. Острые страдания, которые я когда-то переживал от потери черного кольца, смягчились мало-помалу в тихую скорбь, но чувство вины продолжало мучить.

В 1965 году состоялось чествование А. А. в Оксфорде, приехали даже из Америки. Я был в Лондоне, и мне не хотелось стоять в хвосте ее поклонников. Я просил Г. П. Струве передать ей мой сердечный привет и лучшие пожелания, а сам уехал в Париж, где меня ждали, привести в порядок дела, так как я должен был прекратить, по состоянию здоровья, мозаичные работы и проститься со своей парижской студией.

Образ А. А., какую я помнил ее в 1917 году, оставался таким же очаровательным, свежим, стройным, юным. Я спрашивал себя, было ли прилично с моей стороны уехать из Лондона. Я оказался трусом и бежал, чтобы А. А. не спросила о кольце. Увидеть ее? «Мою Россию!» Не лучше ли сохранить мои воспоминания о ней, как она была? Теперь она международная звезда! Муза поэзии! Но все это стало для меня четвертым измерением.

Так мои мысли путались, стыдили, пока я утром в субботу пил кофе в своей мастерской в Париже. На душе было тяжело...

Громкий звонок. Я привскочил, подхожу к телефону. Густой мужской голос звучно и несколько повелительно спрашивает меня по-русски: «Вы Борис Васильевич Анреп?» — «Да, это я». — «Анна Андреевна Ахматова приехала только что из Англии и желает говорить с вами, не уходите». — «Буду очень рад». Через минуту тот же важный голос: «Анна Андреевна подходит к телефону». — «Слушаю». — «Борис Васильевич, вы?» — «Я, Анна Андреевна, рад услышать ваш голос». — «Я только что приехала, хочу вас видеть, можете приехать ко мне сейчас?» — «Сейчас, увы, не могу: жду ломовых, они должны увезти мою мозаику». — «Да, я слышала (?), в пять часов я занята». — «А вы не хотели бы позавтракать со мной или пообедать где-нибудь в ресторане?» — «Что вы, это совсем невозможно (?). Приходите в восемь часов вечера». — «Приду, конечно, приду».

Ломовые не приехали. Весь день я был сам не свой — увидеть А. А., после 48 лет разлуки! и молчания! О чем говорить? Столько было пережито. Сколько страдания! И общего, и личного. Воспоминания болезненно возникали, теснились бессвязно,

искаженные провалами памяти. Что я скажу о черном кольце? Что мне сказать? Не уберег сокровища. Нет сил признаться. Принести цветы — банально. Но все-таки пошел в цветочный магазин и заказал послать немедленно букет роз в Hôtel Napoleon, близко от Arc de Triomphe*.

Гостиница была полна советскими. Молодая, очень милая девушка подошла ко мне. «Вы господин Анреп?» — «Да». — «Анна Андреевна вас ждет, я проведу вас к ней». Мы подошли к лифту. «Я видела ваши мозаики в Лондоне, мне особенно понравились сделанные вами мозаики в Вестминстерском соборе». — Это была Аня Каминская, внучка Н. Н. Пунина, мужа А. А. Она сопровождала А. А. в ее путешествии.

Мы поднялись на второй этаж, и Аня открыла дверь в комнату А. А. и тотчас же исчезла. В кресле сидела величественная, полная дама. Если бы я встретил ее случайно, я никогда бы не узнал ее, так она изменилась.

«Екатерина Великая», — подумал я.

«Входите, Борис Васильевич».

Я поцеловал ее руку и сел в кресло рядом. Я не мог улыбнуться, ее лицо тоже было без выражения.

«Поздравляю вас с вашим торжеством в Англии». — «Англичане очень милы, а “торжество” — вы знаете, Борис Васильевич, когда я вошла в комнату, полную цветов, я сказала себе: “Это мои похороны”. Разве такие торжества для поэтов?» — «Это вашим поклонникам нужно, им хочется высказаться, выразить свое уважение».

Мы заговорили о современных поэтах. Только бы не перейти на личные темы! — «Кого вы цените?» А. А. поморщилась и молчала. «Мандельштама, Бродского?» — «О да, Бродский! Ведь он мой ученик». — Она заговорила о Недоброво: «Вы дали его письма к вам Струве. Скажите мне, к каким годам относятся эти письма?»** — «Все письма до 1914 года, и в них ничего нет, решительно ничего. А у вас, Анна Андреевна, не сохранились его письма?» — «Я их все сожгла». — «Как жаль».

Я боялся продолжать разговор о Недоброво, но А. А., очевидно, желала этого: «Николай Владимирович был замечатель-

* Не знаю, знал ли Б. В., что управляющим этой гостиницей был сын С. К. Маковского, бывшего редактора «Аполлона». Самого С. К. тогда уже не было в живых. — *Примеч. Г. Струве.*

** Мне и раньше говорили, что А. А. очень интересовалась, от какого времени были письма Недоброво, переданные мне Анрепом. — *Примеч. Г. Струве.*

ный критик, он прекрасно написал критическую статью про мои стихи, он не только понимал меня лучше, чем кто-либо, но он предсказал дальнейшее развитие моей поэзии*. Лозинский тоже писал про меня, но это было не то!»

Я слушал, изредка поддерживал разговор, но в голове было полное безмыслие, сердце стучало, в горле пересохло — вот-вот сейчас заговорит о кольце. Надо продолжать литературный разговор! «А где похоронена Любовь Александровна?» — «Похоронена на кладбище в Сан-Ремо». — «Вы знаете, — сказала А. А. после минуты молчания, — я никогда не читала “Юдифь” Недоброво». Я замер. Она желает напомнить о 13 февраля 1916 года, когда мы вместе слушали «Юдифь», когда она отдала мне свое черное кольцо! Это вызов! Хорошо, — что-то злое шевельнулось во мне, — я его принимаю. Неужели она не видит, в каком я состоянии? «“Юдифь”, — сказал я равнодушно, — очень академично выработанное произведение, весьма искусное стихосложение, но в общем довольно скучное. Ведь же это вещь достойная внимания, она, наверное, войдет в собрание его стихотворений, которое, надеюсь, Струве издаст». — «Струве, — отвлеклась А. А., — он много работает, он литературовед, но он поддерживает холодную войну, а я решительно против холодной войны». — «По-моему, Анна Андреевна, Струве главным образом интересуется современной русской литературой». — «А вы читали “Реквием”?» — «Да, это великое трагическое произведение, написано вашей кровью, больно читать». — «Хотите, я вам прочту свои последние стихи, вы, может быть, сравните их с “Юдифью” Недоброво, они на библейский сюжет: Саул, неверная жена, Давид»**.

А. А. открыла маленькую записную книжку и певучим голосом стала читать. Певучее чтение мне казалось вытьем, я так давно не слышал ничего подобного. После «Реквиема» мне казалась вся затея упражнением в стихописании. Я не вникал в слова. — «Ну вот, что вы думаете?» — «Как все — очень хорошо». — «Совсем не хорошо», — сказала А. А. с раздражением. Я чувствовал, что надо сказать что-то умное и не мог выжать ни слова. «Очень объективно». — «Да, объективно». Я не знал,

* Надпись, которую Ахматова сделала на копии статьи Недоброво, даря ее В. А. Знаменской, приводится нами в этом же томе в статье об А. А. и Недоброво. — *Примеч. Г. Струве.*

** Речь, видимо, идет о стихотворении «Мелхола». Но «неверной жены» в нем нет. Ясно, что Анреп был не в состоянии не только оценить, но и по-настоящему воспринять стихотворение Ахматовой. — *Примеч. Г. Струве.*

что можно добавить к этому глупому замечанию, и молчал. — «Как вы живете, Анна Андреевна?» — нашелся я. «Переводами, — сказала она, поняв мой вопрос в простом материальном смысле. — Я перевожу поэтов древних времен». — «Вы сами переводите?» — удивился я. «Нет, конечно; несколько специалистов дают мне дословные переводы, я их перекладываю в русские стихи». — «Вы всегда в Ленинграде, где вы отдыхаете?» — «У меня дача в Финляндии, я там отдыхаю. Вы помните, вы прислали мне цветную фотографию вашей мозаики Христа? Она долго была на моем столе, а потом исчезла». Тут я мог просто сказать, что такая же судьба постигла ее кольцо. Но фотография — одно, кольцо — другое! Я ничего не сказал. Я чувствовал себя не по себе, надо идти. «Я боюсь вас утомить, Анна Андреевна, я пойду». — «Нет, нет, мне видеть вас большой отдых, вы совсем не изменились». — Я сгорал от стыда. — «В личное одолжение посидите еще двадцать минут». — «Конечно, Анна Андреевна, сами скажите, когда мне надо уходить».

Разговор не клеился. А. А. чего-то ждала. «Как вы пережили осаду Ленинграда?» — «Меня спас Сталин (это было известно всем), он благоволил ко мне и прислал за мной самолет, на котором я улетела из Ленинграда. Позднее он свою милость переложил на равнодушие или, может быть, на ненависть». Опять молчание. «Ну, теперь идите, благодарю, что пришли. Напишите хоть на Новый год». А. А. величественно поднялась с кресла, проводила меня до маленькой передней, прислонилась к стене. «Прощайте». Протянула руку. Внезапный порыв: я поцеловал ее безответные губы и вышел в коридор в полудурмане, повернул не туда, куда надо, добрался кое-как до выхода, долго шел по Champs Ellysées и до ночи сидел в кафе.

Тысячу раз я спрашивал себя: зачем? зачем? Трусость, подлость. Мой долг был сказать ей о потере кольца. Боялся нанести ей удар? Глупости, я нанес еще больший удар тем, что третируя ее лишь как литературный феномен. Пока я думал, что я еще могу сказать или спросить о поэтах современниках, она воскликнула: «Борис Васильевич, не задавайте мне, как все другие, этих глупых вопросов!» Ее горячая душа искала быть просто человеком, другом, женщиной. Прорваться сквозь лес, выросший между нами. Но на мне лежал тяжелый гробовой камень. На мне и на всем прошлом, и не было сил воскреснуть.

Во время нашего разговора дверь в соседнюю комнату осталась приоткрытой, кое-когда был слышен легкий шорох. Кю

там? Может быть, политический контроль; может быть, свой человек — не знаю. Это невидимое присутствие было мне неприятно. Было ясно, что кто-то подслушивал наш разговор. Не это ли помешало нашей последней встрече превратиться в теплую, душевную беседу? Я ищу себе оправдания, не так ли? Я его не нахожу.

5 марта 1966 года А. А. скончалась в Москве. Мне бесконечно грустно и стыдно.

Б. Анреп *
1917

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Среди стихов Ахматовой почти наверное можно будет найти и другие, не отмеченные (и даже не замеченные) Анрепом, которые несомненно «обращены» к нему. Одним из таких несомненных поэтических обращений к нему кажется мне следующее стихотворение:

Не прислал ли лебеда за мною,
Или лодку, или черный плот? —
Он в шестнадцатом году весной
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весной
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Стихотворение это было впервые напечатано в разделе «Ива» в сборнике «Из шести книг» (1940) в составе цикла из трех, тематически между собою как будто совершенно не связанных и, как выяснилось позднее, одновременно написанных стихотворений, под общим названием «Шестнадцатый год». Из

---

* Под подписью рукой Б. В., но другими чернилами, приписано:

Это просто, это ясно.
Это всякому понятно —
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда...

.....

двух других стихотворений одно было потом включено в совершенно другой цикл («Путем всяя земли»), а другое напечатано как отдельное. Даты под стихотворением не было. При перепечатке в «Беге времени» (в издание 1961 года стихотворение это не вошло) оно было помечено: «Москва, 1936», хотя, если исходить из содержания и хронологии, его надо было бы считать написанным в 1932 году (И *теперь, шестнадцатой* весной).

Думается, что к Анрепу могло относиться и следующее стихотворение:

А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,
И чем темней, тем трогательней ты.
Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Ты наяву не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи, —
Покоя, видно, не нашел в вине.
И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Все чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.
Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.
Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не мог ее убить.

Это стихотворение было, по-видимому, написано летом 1917 года в Слепневе (хотя в «Беге времени» оно почему-то датировано «1916»). Напечатано оно было впервые (с небольшими разночтениями) в газете «Петроградское эхо» от 22 января 1918 г., а потом вошло в сборник «Подорожник» (без даты) и в «Anno Domini» (с датой: «Лето. 1917»). Конечно, стихотворение могло быть написано и Гумилеву, что было бы интересно, хотя и не очень вероятно. Не все в нем вяжется с историей «романа» между Ахматовой и Анрепом — например, строки о «западном ветре», который все чаще приносит ей «упреки и мольбы» (в первоначальной версии было даже «угрозы и мольбы») любимого, противоречат рассказу Анрепа, который говорит, что после их разлуки ранней весной 1917 года (в самом начале марта) он ни разу не писал А. А. С другой стороны, обращенность к кому-то другому не вяжется сама по себе с тем, что нашло отражение в ряде других стихотворений А. А. этого же

времени. О какой-либо переписке Гумилева с ней во время его пребывания за границей нам неизвестно. Зато, хотя мы и знаем только одно письмо его будущей жены, А. Н. Энгельгардт, к нему (от конца 1917 года), мы знаем, что переписка между ними *была* и что роман этот начался еще до отъезда Гумилева на Запад. Все это снова ставит вопрос о соотношении между биографией поэта и его творчеством. И вопрос о том, стоит ли в стихах поэта докапываться до биографической подкладки. Но соблазн этот для историка литературы (и даже критика) всегда велик — не устояли против него и самые заядлые «формалисты» среди критиков.

Некоторые «анреповские» мотивы слышатся и в таких стихотворениях, как «Долго шел через поля и села...» (1915). «Мы не умеем прощаться...» (1917), «Когда в тоске самоубийства...» (1917; не голос ли Анрепа тот голос, что «звал утешно?»), «В тот давний год, когда зажглась любовь...» (1921). Среди *поздних* стихотворений Ахматовой есть еще одно, явно написанное Анрепу, но о нем будет речь дальше, в связи с моей дальнейшей перепиской с Б. В.

После того как он прислал мне свой рассказ «О черном кольце», Б. В. довольно долго не возвращался в своих письмах к ахматовской теме. Наконец, в декабре 1966 г., он прислал мне один интересный документ, письмо последнего мужа Ахматовой, Н. Н. Пунина, к ней из Самарканда в Ташкент во время войны. Оно печатается нами в этом же томе. Еще до того, в сентябре, я послал Анрепу стихотворение, помеченное 1960 годом, которое вошло в советское собрание стихотворений Ахматовой («Бег времени»), вышедшее почти одновременно с нашим, но включавшее ряд стихотворений, нам в то время недоступных (это стихотворение напечатано нами теперь во втором издании первого тома нашего собрания, на с. 323—324). Вот это стихотворение, которое сильно затронуло Б. В.:

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...
Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, пускай острог...
Я без него могла.

Сразу на присылку этих стихов Б. В. не отозвался. А в письме от 7 января 1967 года писал:

Благодарю за стихи, посланные Вами еще в сентябре. Тяжело было писать о них.

И дальше, цитируя первые три строки стихотворения, рядом с ними написал:

Одно из самых мучительно-трогательных стихотворений А. А. Почти каждое слово основано на пережитом, одето пронзительной фантазией, незабвенным чувством.

В этом отзыве обращает на себя внимание сочетание «основанного на пережитом» с «пронзительной фантазией». Стороннему читателю, только что прочитавшему рассказ Анрепа, оно может показаться в человеческом плане несправедливым, жестоким, но больше всего ему бросится в глаза поэтическое *преображение* биографических данностей. Оно тоже свидетельствует о том, как ненадежен биографический подход к поэтическому творчеству.

Прошел почти год после того. Я написал Б. В., что известный зарубежный специалист по акростихам (и сам плодовитый автор таковых), Геннадий Панин, обратил мое внимание на то, что стихотворение Ахматовой «Песенка», раньше печатавшееся без названия («Бывало, я с утра молчу...» — 1916), представляет собой акростих ему, Борису Анрепу. Как и я, Анреп этого не заметил. Он писал мне:

Благодарю Вас за сообщение об акростихе, я об нем не знал и принял его как подарок А. А. из-за гроба. С моей стороны, я никаких акростихов никогда не писал. Был глубоко тронут.

12 июля 1963 г. Б. В. снова писал мне, что он никогда никаких акростихов не сочинял и только недавно узнал от своей новоявленной корреспондентки в России (В. А. Знаменской), что очень многие стихи Ахматовой были посвящены ему. Но какое именно, Знаменская, в отличие от стихов к Недоброву, не указывала. В том же письме Б. В., отвечая на мой вопрос, откуда строка (с подписью Б. А.) «Я пою и лес зеленеет», которую Ахматова взяла эпиграфом к своим «Эпическим мотивам» (ранее печатавшимся без названия, а в некоторых сборниках под названием «Эпические отрывки») при включении их в «Бег времени», писал:

Эти слова из «Физы» и относятся до более ранней поэмы. Весь отрывок из «Физы» следует: —

И сказала Мая: «Не осилю забвенья.
 Не подниму ребер и себя не слышу,
 Я пела в уши Физе, но его нет,
 И что сыну моему в наследство?
 Только заглавие песни и размер:
 — Я пою и лес зеленеет»,

Я не совсем понял, что хотел сказать Б. В. словами «относят к более ранней поэме». Строка «Я пою и лес зеленеет», как я потом припомнил и проверил, повторяется трижды в поэме Анрепа «Человек». Эта поэма из восьми коротких глав напечатана в «Альманахе муз» (Пг., 1916. С. 13—18). Может быть, она должна была войти в «Физу» как составная часть. Б. В. как-то говорил мне, что «Физу» он уничтожил. Не знаю, так ли это. Цитировал он эту вещь в своем письме на память? Экземпляр «Физы» мог сохраниться в бумагах Ахматовой: Б. В. говорит, что она носила поэму зашитой в мешочек. Напечатан «Физа» никогда не был.

В сентябре 1968 г. Б. В. послал мне пластинку, наговоренную Ахматовой, — ее стихи. У меня уже была эта пластинка (я купил ее в Стокгольме в 1964 году), и с разрешения Б. В. (а может быть, даже по его просьбе) я переслал ее Аркадию Викторовичу Белинкову, с которым незадолго до того познакомился и разговаривал об Ахматовой.

23 октября Б. В. отозвался на посланные ему мною копии страниц из книги И. В. Одоевцевой «На берегах Невы» — о Гумилева и Ахматовой. Он писал:

Благодарю за присылку страниц из книги Одоевцевой, которые прочел несколько раз и пошлю Знаменской, как бы от Вас. По-моему, она пишет очень занимательно; думаю, что длинные разговоры с Гумилевым несколько обработаны ею, но, насколько я помню собственные разговоры с ним, остаются в его характере. Краски иногда чересчур сгущены, как, например, его возмущение, что А. А. ищет смерти своего сына и его самого, это просто смехотворно, но возможно. (Отыми и ребенка и друга.) Гумилев иногда любил представлять себя важным супругом. Вся тирада в разговоре по поводу «Муж хлестал меня узорчатым / Вдвое сложенным ремнем» и дальнейшее заявление, что из-за этих строк он «прослыл садистом, и его возмущение и упреки возможны, как и ни нелепы. Мне вспоминается день, когда он уезжал из Англии в Россию после революции. Я хотел послать маленький подарок А. А.... —

тут Б. В. рассказал тот же эпизод, который он включил в черном кольце, и затем продолжал:

С другой стороны, мы, конечно, много раз говорили о стихах А. А. Я запомнил одну фразу его: «Я высоко ценю ее стихи, но понять всю кра-

соту их может только тот, *кто* понимает глубину ее прекрасной души». Мне, конечно, эти слова представились исповедью. Понимал ли он «всю красоту ее души» или нет, осталось для меня вопросом. Он одновременно просил меня познакомить его с какой-нибудь девицей легкого поведения. Общее мое заключение о воспоминаниях Одоевцевой, что они, может быть, литературно использованы и сгущены, но близки к истине. Я говорю о характеристике Гумилева только.

В том же письме Б. В. отвечал на некоторые мои вопросы о «Поэме без героя»: мне казалось, что некоторые намеки и «портреты» в ней (как последние ни законспирированы иногда) он должен был понять и узнать, хотя его знакомство с Ахматовой и относилось к более позднему времени. Он писал, что Князева не знал и про него ничего сказать не может. А дальше говорил:

О «поэме» и «маскараде» дело сложнее: я ничего не знаю, но соображения есть. *Третий*, конечно, Князев. *Второй: не Блок*. Хотя А. А. высоко ценила его как поэта, но как человека, к которому она тоже относилась тепло, она интимно его не знала и, насколько мне известно, он особенно горячих чувств не питал и даже, кажется, ее стихи не особенно волновали его. Конечно, то, что я говорю, только мои соображения на основании разговоров (литературно-дружеских) с ней. Конечно, в этих разговорах она ни на какие откровенности не пускалась, кроме, может быть, только о Недоброво, с которым у нее были самые близкие отношения и как с критиком, и как с поэтом, и как с человеком, который бесконечно ее любил, ценил и, если можно употребить это выражение, «учил»; как критик, он всегда имел много что сказать и о ритме, и о других сторонах словесного искусства. И она сознавалась, что он имел на нее большое влияние. Вспоминая все это, я думаю, что фразы:

Ты железные пишешь законы:
Хаммураби, ликурги, солоны
У тебя поучиться должны и т. д.

относятся к Недоброво.

Этими словами Анреп подтверждал мое собственное предположение, основанное на тех же строках. Но дальше он писал:

Образ Недоброво переплетен с другим образом, о котором я говорить не буду, а посылаю Вам стихотворение, как другу, на дружескую ответственность которого я полагаюсь, чтобы не разглашать стихотворения, здесь прилагаемого, а также моих соображений. Я не сомневаюсь, что Б. В. имел в виду самого себя: ни о ком другом он не стал бы говорить так критически. Он этого не подтвердил, но и не отрицал. И Недоброво, и Анреп оба были высокого роста («Полосатой наряжен верстой...»), но при этом Недоброво был худ и строен (Анреп писал об его «изящной и точеной» фигуре), а Анреп был крупного и даже могучего сложения и, может быть

уже и тогда, с некоторой склонностью к «грузости». Анреп писал также, что он не придает году «маскарада» (1913) «значения определенной даты», думая, что «какие-то личные соображения могли привести А. А. к выбору этого года» (при этом он как будто упускал из виду, что дата эта во всяком случае имела значение с точки зрения самоубийства Князева). И он прибавлял немного загадочно: «я даже предполагаю, какие». Свое письмо он заканчивал так: «Как свой [ее?] единственный акростих, как многие стихи скрывают жизненную правду, они волнуют меня, знающего, о ком и о чем идет речь». Я этой фразы не понял, и Анреп мне так ее и не разъяснил.

Стихотворение, о котором упоминал Анреп, было приложено к письму. Оно называлось «Прощание», было посвящено А. А. Ахматовой и датировано 1916 годом. Вот оно:

ПРОЩАНИЕ

А. А. Ахматовой

За верстами версты, где лес и луг,
 Мечтам и песням заверченный круг,
 Где ласковой руки прикосновенье
 Дает прощальное благословенье.
 Исходный день, конечная верста,
 Прими мой дар священного креста.
 Постой, продлись, верста! От устья рек
 По морю уплывает человек.
 Он слышит зов вдали: «Постой, постой!»
 Но та мечта останется пустой,
 Но не верста, что мерит вдохновенье
 И слов мучительных чудотворенье.
 Ты создаешь свои стихи со стоном,
 Они наполнят мир небесным звоном.

1916

Б. Анреп

В стихотворении этом, конечно, ясна связь с тем, что рассказал Б. В. Анреп о своих отношениях с А. А. Но прямой связи между этим стихотворением (так как стихотворение, оно очень слабое и какое-то косноязычное) и эпизодом маскарада в поэме и ролью Недоброво (или Анрепа) в этом эпизоде я не усматриваю. Возможно, что я так и написал Б. В., потому что в письме от 15 ноября 1968 г. он писал, что ему кажется, что я не отдаю себе отчета, *почему* он послал мне это стихотворение. Сознаюсь, что, как я ни старался «отдать себе отчет» в этом с тех пор, мне это и сейчас неясно. Едва ли четыре раза повторяющееся в стихотворении слово «верста» связывает его с тем, кто «наряжен верстой», и является ключом к загадке. Кстати,

в «Решке» он — *первый*, а Князев, несомненно, — *третий* — тот, что «прожил лишь двадцать лет». Что в эпизоде с Князевым фигурирует и Блок, Анреп напрасно отрицал: роль его в этом эпизоде не зависит никак от отношений между ним и Ахматовой. А вот роль Князева в отношении к Ахматовой остается не ясна до конца.

К строке в стихотворении о «даре священного креста» Б. В. сделал следующее примечание: «Древний, деревянный, престольный крест, подаренный мною Анне Андреевне, был найден мной в мусоре разрушенной деревенской церкви в Галиции в 1914 г. А. А. взяла его с собой на юг, покидая Ленинград во время последней войны». Б. В., по-видимому, забыл, что еще гораздо раньше, даря мне сборники Ахматовой, он вместе с ними подарил мне два листка, в них вложенных. На одном было записано посвященное Ахматовой четверостишие (то же, что и в «Альманахе муз»), со следующим объяснением на обороте:

В 1916 году я подарил Анне Андреевне древний напестольный деревянный крест, найденной мной в разрушенной и брошенной церквушке недалеко от деревни Пакости в Галиции. Четверостишие написано мною по поводу этого подношения. На другом листке было записано следующее стихотворение:

АХМАТОВОЙ

Мне страшно, милая, узор забавных слов
 В живую изгородь над нами разрастется,
 В трехсмысленной игре тугим узлом совется:
 Кокетства ваш прием остер и вечно нов.
 Но как несносен он! Как грустно будет знать,
 Что переплет листвы изящной пестротю
 Скрывал простор лугов с их теплой простотою,
 Деревню бедную, затопленную гать,
 Березовый лесок за тихую рекою.

БА
 1916

К сожалению, я никогда не спросил Б. В., какое место он отводит этому стихотворению во всей истории своих отношений с А. А.

В 1969 г. я получил от Анрепа три письма: в первом, от 1 января, он писал главным образом о Солженицыне, которого читал тогда и который произвел на него большое впечатление. Во втором, от 6 января, сообщал о смерти В. А. Знаменской, которая незадолго до того упала на улице, повредила себе что-

то и, проболев некоторое время, умерла 15 декабря. Третье письмо, от 18 января, оказалось последним, полученным мною от Б. В., хотя он и прожил еще около пяти месяцев после того. Я ответил ему 6 февраля, но он мне больше уже не писал — вероятно, чувствовал себя слишком плохо.

При своем последнем письме он прислал мне стихи, о которых писал:

После смерти ААА я написал прилагаемые стихи. Это объединение моих чувств, моих разговоров и ее веры, насколько она выразила мне ее в 1917, а также в 1965 году. Много фраз, подлинно сказанных ею, некоторые — не ее, а мои, но и они передают суть ее мыслей. Поверьте, я ничего не придумал без обоснованного воображения.

Рискуя разочаровать читателя, должен сказать, что после долгих колебаний я решил не печатать это стихотворное произведение Б. В. Анрепа, озаглавленное «Поминание». С чисто поэтической точки зрения оно не делает чести Б. В. Большему пониманию всего эпизода его отношений с А. А. оно, по-моему, не способствует. Не дает оно ничего и для понимания личности А. А. Лучше поэтому предать его забвению.

